

**ФРИДРИХ
ГАКЛЕНДЕР**

ЕВРОПЕЙСКИЕ
НЕГРЫ

Фридрих Гаклендер
Европейские негры

«Public Domain»

1854

Гаклендер Ф. В.

Европейские негры / Ф. В. Гаклендер — «Public Domain», 1854

«Стариною отзывается, любезный и благосклонный читатель, начинать рассказ замечаниями о погоде; но что ж делать? трудно без этого обойтись. Сами скажите, хороша ли будет картина, если обстановка фигур, ее составляющих, не указывает, к какому времени она относится? Вам бывает чрезвычайно-удобно продолжать чтение, когда вы с первых же строк узнаете, сияло ли солнце полным блеском, или завывал ветер, или тяжелыми каплями стучал в окна дождь. Впрочем, ни одно из этих трех обстоятельств не прилагается к настоящему случаю. Наша простая и чрезвычайно-справедливая история начинается зимою, в то время года, когда природа считается умершею, когда ею всякий пренебрегает, когда стараются заменить солнце люстрами и вознаградить недостаток натуральных и живых цветов и удовольствий искусственными...»

© Гаклендер Ф. В., 1854

© Public Domain, 1854

Содержание

Часть первая	5
I. Театральная карета	5
II. Черные и розовые банты	8
III. Балет	11
IV. Клара и её семейство	15
V. Граф Форбах и его друзья	19
VI. Й. Х. Блаффер и Коми	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Фридрих Гаклендер

Европейские негры

Часть первая

I. Театральная карета

Стариною отзывается, любезный и благосклонный читатель, начинать рассказ замечаниями о погоде; но что ж делать? трудно без этого обойтись. Сами скажите, хороша ли будет картина, если обстановка фигур, ее составляющих, не указывает, к какому времени она относится? Вам бывает чрезвычайно-удобно продолжать чтение, когда вы с первых же строк узнаете, сияло ли солнце полным блеском, или завывал ветер, или тяжелыми каплями стучал в окна дождь. Впрочем, ни одно из этих трех обстоятельств не прилагается к настоящему случаю. Наша простая и чрезвычайно-справедливая история начинается зимою, в то время года, когда природа считается умершею, когда ею всякий пренебрегает, когда стараются заменить солнце люстрами и вознаградить недостаток натуральных и живых цветов и удовольствий искусственными.

Но, благосклонный читатель, не совсем-справедливо презрение к зимней природе. Бывают зимою дни, оригинальной прелести которых я не променяю на самое цветущее весеннее утро, на самый роскошный летний вечер; это – дни, когда густой туман, покрывший землю после легкой оттепели, замерзнет прозрачным слоем льда, облегающего, но не скрывающего землю, непохожего на тот скучный однообразный снежный саван, под которым одинаково хоронятся луга и болота, долины и озера, сады и нивы. Да, чудно-прекрасен этот внезапно-разостлавшийся покров светлого льда, из-под которого проглядывает все в своем разнообразии, только как-бы одетое белым газом; вот на лугу растет белая мурава; каждый куст покрыт брильянтами; ветви дерева как-бы каплют кристаллами сахара. А воздух так свеж и чист! и когда всходишь на холм, твое дыханье разносится голубоватым облачком. А сходя по долине на дорогу, ведущую к твоему жилищу, всматривайся, внимательнее всматривайся в каждый куст, в каждый камешек, потому что тот чудный день все облек дивным волшебством, повсюду создал микроскопические миры. Вчера грустно висели поблекшие листки этой травки, нынче превратилась она в брильянтовую диадему, достойную украшать чело самой гордой красавицы, и под солнечным лучом сверкает она миллионами искр. Вчера на этом голом клочке уныло торчали только пять-шесть вялых стебельков травы, а нынче построилась на нем великолепная столица, окруженная волшебными садами, только взгляни пристальнее, и ты будешь восхищен её красотой. Вот улицы, площади с густыми аллеями, вот целые парки – ах, несносный воробей! он разрушает обольщение, вспорхнув в дивный город и покрыв своими крыльями целую площадь! Но нет, и он волшебное существо, потому что, клюнув носиком в мостовую города, он зажег ослепительный фейерверк радужных искр. Но идем далее.

Даже не вникая в мелкие подробности, мы видим вещи удивительные. Посмотрите: облака снова-упадающего на землю тумана то образуют ряды колоссальных зданий, на которых переливаются все оттенки красного, зеленого, желтого, синего цветов, то исчезают эти громадные стены в волнах необозримого озера, того очарованного озера, о котором слышали мы в сказках, как оно поглотило город с его жителями. Да, мы слышим отдаленный шум и гул этого живущего под волнами населения, ну да, мы слышим его, вот и колокол городской бьет четыре часа.

Четыре часа! в декабре это значит, что уже близка ночь. Слишком-долго мы замечтались; поспешим домой, пока не смерклось. Туман отступает перед нами и снова свивается непрони-

цаемую пеленою за нами. Вот из волн его появились городские колокольни; вот мы уж достигли предместья; вот завеса тумана разорвана вечерним ветерком и исчезающие полосы его несутся на юг; вот и солнце позолотило здания и землю последним фиолетово-розовым лучом.

Конец длинной улицы, по которой мы идем, выходит в поле, и видно нам, как ласково прощается с землею солнце, какими нежными, тихими красками одевается, засыпая, ландшафт. Высокие дома, идущие по восточной стороне улицы, гораздо-холоднее, грубее принимают прощальный привет: темные, резко-очерченные тени противоположащих домов поднялись уже до их верхних этажей; только карнизы и кровли еще ярко освещены. Медленно ползут вверх тени ночи, наконец окутан ими весь дом и закрываются его утомленные глаза. Газовый фонарь, одиноко-стоящий у заставы, говорит нам, что солнце совершенно скрылось за горы, потому что сбежал, покраснев заревом пожара, луч солнца с стекла, еще за секунду ярким светом блеснувшего нам в глаза.

Часа в четыре вечера, и даже несколько-позже, улицы большего города бывают зимою довольно-оживлены. Каждый торопится кончить свои дела засветло; купцы возвращаются из лавок, отворяются двери школ и выпускают на вольный свет целые легионы маленьких шалунов, которые шумно бегут по тротуарам, задирая прохожих. К пяти часам все затихает; утренние дела у всех кончены; делать вечерние выезды еще рано. Только фонарщик, с своим фитилем на длинной палке, торопливо пробегает по улице, и редкие прохожие иногда останавливаются, чтоб посмотреть, как он зажигает фонарь. Один за другим, освещаются магазины, и вдвое-заманчивее, нежели днем, блещут из их окон материи.

Около этого времени, благосклонный читатель, разъезжает по городу старая карета, запряженная двумя клячами, с седым и сердитым кучером в синем кафтане на козлах. Нынешний день, принимая бразды, он спросил взбиравшегося на запятки лакея, также в синей ливрее: «Что, всех забирать?» и получил в ответ: «Всех».

И вот карета пустилась разъезжать по переулкам, в которые редко заглядывают экипажи. Она останавливается обыкновенно перед самыми маленькими, бедными домиками. Лакей поспешно соскакивает с запяток, дергает звонок, тут обыкновенно отворяется одно из окон, высовывается голова и кричит: «Сейчас, сейчас, только допью чашку кофе», или «только завяжу узел». При этом кучер что-то ворчит, лакей (добродушный малый) затягивает песню и перетопывает ногами, чтоб согреться. Скоро на лестнице раздаются шаги, отворяется калитка и выходит молоденькая девушка, закутавшись в большой платок или мантилью; за нею мать, или сестра, несет узел, или корзину; лакей тотчас же кладет эту ношу в карету, девушка прыгает в экипаж и карета едет далее.

Когда раз пять повторится эта история, и в карете сидят уже пять девушек, лакей подходит к дверцам и говорит: «Нельзя ли будет еще одну госпожу поместить?» и, сделав паузу, прибавляет: «Холодно нынче; старику Андрею хотелось бы поскорее отделаться; нельзя ли вам потесниться, сударыни?» Девушки смеются; но карета просторна, старик Андрей прозяб, — и они теснятся, так-что карета часто привозит до восьми девиц, не считая двух-трех детей, которые стоят посредине и у дверец: садиться им уж некуда, но теснота не мешает сидящим в карете весело хохотать.

Этот экипаж — театральная карета, поступившая в свою настоящую должность за древностью лет, а некогда возившая особ, несравненно-более знатных и притом по одиночке или по две, а не по восьми в один прием.

В тот вечер, с которого начинается наша история, театральная карета пустилась странствовать очень рано, по случаю нового балета: надобно было собрать весь кордебалет. Экипаж был уже полон, и лакей подошел к дверцам попросить девиц потесниться, если можно, чтоб захватить еще за одную.

— За кем же? спросили из кареты.

— За мамзель Кларою, отвечал слуга.

– А, за княжною! смеясь, сказала одна из сидевших: – да ведь у нас все почетные места уже заняты.

– Да не обиделась бы мамзель Клара, что ей придется сидеть на передней скамье, прибавила другая.

Лакей осердчал, не удержался, почесал у себя за ухом и сказал: «Полно-те, сударыни, пустяки говорить; если б все вы были похожа на мамзель Клару, меньше горничных было бы нужно в театре для вас, да и мы с Андреем скорее бы кончали свое дело. Что ж, угодно вам потесниться, или неуютно?»

– Мне все-равно, пожалуй, сказала одна, смеясь.

– Пожалуй, повторили еще две.

– Знаете, что я скажу, подхватила четвертая: – наш старик протезирует Кларе и непременно ухаживает за нею. – Все хором расхохотались этой плоской шутке.

Но старик сердито уже захлопнул дверцу, экипаж покатился и скоро остановился перед старым четырех-этажным домом; впрочем, только считалось в нем четыре этажа, а на самом деле было шесть, если прибавить два ряда низеньких мансард, надстроенных уступами один на другом в его высокой кровле. С виду походил этот дом на казармы или фабрику, и не менее, нежели на фабрике, было в нем шума и толкотни, потому что целый день неутомно ходили по его ветхим лестницам многочисленные, суетливые и бедные жильцы.

Едва лакей дотронулся до звонка, сделанного при входе на лестницу, как из-под кровли уже послышался голос: «Сейчас, она уж готова, идет».

– Ведь как торопится то, никогда не задержит! проговорил лакей, и все сидевшие в карете снова засмеялись, на что лакей с досадою заметил, что смеяться тут нечему.

В ту же минуту подле экипажа явилась Клара с шестилетнею сестрою, которая несла за нею маленький узел; у самой Клары был в руках другой узел, гораздо-больше. Лакей с особенною предупредительностью взял его.

– Дай мне шитье и ступай скорее в комнату, чтоб не простудиться, сказала Клара сестре и, погладив ребенка по головке, вошла в карету.

– Теперь пошел прямо в театр! закричал лакей кучеру.

Клара прижалась в уголку и мягким голосом сказала: «Темно, mesdames, и я не могу узнать вас; но все-равно, очень-жалею, что заставила вас тесниться».

– О, мы привыкли, отвечала сидевшая напротив Клары. – Только, зачем ты таскаешь с собою столько узлов? прибавила другая. – Что у тебя в другом узлу?

– В большом балетный костюм, а в маленьком работа.

– Работа? насмешливо отозвался голос из другого угла: – с таким прилежанием ты скоро разбогатеешь.

Клара вздохнула и тем кончился разговор, потому что карета затрещала и задребезжала, выехав на большую мощеную улицу. Через несколько минут она остановилась у театра.

Лакей принимал узлы, за узлами выходили девушки. Кларе, вышедшей после всех, лакей опять оказал особенное внимание: – У вас два узелка, так один дайте снести мне сказал он, и велел кучеру приезжать в девять часов, пошел за танцовщицами.

II. Черные и розовые банты

Вероятно, очень-немногие из читательниц бывали в театральных гардеробных. О читателях нечего и говорить, потому что для них эти гардеробные, особенно гардеробные танцовщиц, решительно-недоступны, и неподкупен грозный страж их, хилой, но сердитый инвалид.

Отделение балетного гардероба состоит из трех комнат; в каждой висит несколько зеркал; у стен стоят белые шкафчики; на каждом написано имя танцовщицы, которой он принадлежит; там хранятся её туалетные принадлежности – старые и новые, тесные и просторные башмаки, три, четыре трико, лоскутки материй и шелк всевозможных цветов, иглы, румяна и белила, помада, гребни, шпильки, наконец, коробочка с магниезием в порошке, заменяющею пудру, и заячья лапка для натирания лица белилами.

В этих трех комнатах собралось уже десятка три молоденьких девушек, которые с хохотом и болтовнею приводят в порядок свой балетный костюм, потом одеваются при помощи горничных. И лишь только оденутся они в трико, становятся еще вертлявее и шумнее, так-что надзирательница гардеробной часто должна сурово устремлять на виновных свои очки и напоминать о порядке. Тогда начинают хихикать и шутить вполголоса еще больше прежнего. Вдруг все кричат с испуга: кто-то постучался в дверь. Это monsieur Фриц, парикмахер; он спрашивает, можно ли войти. Тотчас же население первой комнаты накидывает шали и мантильи и несчастный юноша входит. Мы сказали «несчастный»: и в-самом-деле, порядочное мучение причесать тридцать капризных голов. Двери второй комнаты затворяются, потому что девицы там еще не одеты, и monsieur Фриц принимается за свое трудное дело, при общих шутках и смехе.

Но не все принимают участие в хохоте – нет, час одевания, потом час появления на сцену тяжел, мучителен для многих из этих девушек. «Так зачем же стали они танцовщицами?» спросит иной: «ведь на то была их добрая воля». Позвольте заметить, что доброй воли их никто не спрашивал. Вот, например, мать бедна, а у неё две хорошенькие девочки; мать целый день работает, за ними присмотреть некому: уж лучше же отдать их в театральную школу – и с хлеба долой, да и надзору там больше будет, чем дома. И вот девочки подвергаются внимательному осмотру: прямы ли у них ноги, гибка ли талья, живы ли глаза, здоровы ли зубы – все удовлетворительно, и перед ними открылась карьера, по-видимому иногда блестящая, но в-сущности почти всегда жалкая и скорбная. Сначала на все глядят они с легкомысленной радостью детства, восхищаются своим ловко-сшитым трико с золотым поясом, и не понимают, как тяжел для них будет этот легкий наряд. Понимать это начинают уже тогда, когда поздно: девушке, уже взрослой, невыучившейся ничему, кроме балетных па, поневоле остается только продолжать эти па. Чем иначе будет она кормить себя, старуху-мать или маленьких сестер? Ведь она ничего не умеет делать. Впрочем, если танцовщица и погибает, что жалеть о ней? Ведь она танцовщица, то-есть существо, говоря о котором, каждый и каждая имеет право пожимать плечами. Ведь для неё составляет удовольствие являться перед публикою в трико.

Нет, милостивые государыни, для немногих это удовольствие, а для большей части вовсе не удовольствие. Если б места в свете раздавались по нравственному влечению людей, быть-может, многие из этих танцовщиц сидели бы в ложах, а из лож многие должны бы перейти на их места, выставляя себя на-показ публике.

Девицы, привезенные в последней карете, были в третьей комнате, еще оканчивая туалет, когда другие уж были одеты. Суетливо хлопчат вокруг них горничные. Перед одним из зеркал стоит танцовщица, одетая лесною нимфою. Юбка на ней очень-коротка, светло-зеленый спенсер стянут так, что трещит при каждом движении. Подле неё на стуле сидит другая, протянув ноги, потому что иначе сидеть неловко: трико очень-узко. Обе они очень-хороши собою.

Стоящая перед зеркалом брюнетка с блестящими глазами и безукоризненной тальей; другая, блондинка, с кротким выражением в лице, с движениями тихими и скромными.

– Заметила ты, говорит блондинка: – Мари все плачет; когда же она поймет, что это вздор?

– погоди, поймет, отвечает брюнетка, страшно перегибаясь назад, чтоб видеть, не расходится ли спенсер с юбкою: – ведь с нами всеми было то же. Разве кто начинал по доброй воле?

– Да я начала; потому-то мне и жаль её.

– Правда, отвечала брюнетка с оттенком презрительной насмешки в голосе, самодовольно оглядывая себя в зеркале со всех сторон.

– Но ведь он на мне женится, продолжала блондинка.

– И прекрасно, если так; только едва-ли. Ну, а если Мари не хочет, кто ж ее принудит?

– Ты знаешь, у ней нет ни отца ни матери; она живет у тетки.

– Ах, не говори мне об этой твари! Мы знаем, какими делами она занимается. Впрочем, что ж такое? Она не может насильно заставить: племянница не дочь. Я поговорю с Мари.

– Поговори, Тереза, сказала блондинка: – ты знаешь, Мари милая, добрая девушка; по она одна не может долго устоять против тётки; ее некому поддержать, кроме тебя.

– Да, я поговорю с ней, гордо повторила Тереза и, с удовольствием еще раз взглянув на себя в зеркало, повернувшись, сделав пируэт, и величественно пошла в тот угол, где сидела Мари.

Угол был дурно освещен, и здесь одевались самые младшие из танцовщиц, еще неуспевшие завоевать себе более-удобного и пометного места в гардеробной. Теперь угол занимали две очень-молоденькия девушки, обе красавицы и обе брюнетки. Мы уже знакомы с ними: одна была Мари, о которой говорила Тереза с своею подругою, другая – Клара.

Мари была свежа и роскошна; стройная талья, полные руки, цветущее румянцем лицо были прекрасны. Румянец её был так горяч, что не покорялся белилам; румян не употребляла она никогда, и однако ж многие из зрителей находили, что она слишком румянится. Но в лице её было мало выражения, в движениях мало грации; нога её была велика, потому не могла она занимать в балете значительных ролей.

Клара была среднего роста и сложена восхитительно-прекрасно. Нога и рука её были миньятюрны, талья гибка и прелестна, грудь высока и вся фигура её была очаровательно-грациозна. Густота и длина её черных волос приводили в отчаяние monsieur Фрица; бледное лицо её было, однако ж, свежо и выразительно, глаза блестящи, зубы ослепительно-свежи. Если мы прибавим, что она делала все на с чрезвычайною легкостью и грацией, то можно было бы дивиться, что она до сих пор остается в кордебалете и не сделалась одною из первых танцовщиц. Но Кларе, озабоченной домашними хлопотами, не было времени каждый день отдавать несколько часов продолжительным экзерцициям, которые необходимы, чтоб достичь совершенства в искусстве. Кроме-того, она удалялась от балетмейстера, который вместе был и первым танцором: он с самого начала испугал ее своими любезностями. Не могла она подружиться и с другими девицами, бешеная развязность которых была для неё ужасна; потому все смотрели на Клару несовсем доброжелательно. Одна Мари была к ней привязана и слушалась во всем её советов.

Обе они старались, по возможности, избегать услуг любезного monsieur Фрица, и причесывали друг друга сами. Все остальные девицы еще были заняты уборами, как они, совершенно-одетые, уже сидели, ожидая начала спектакля. Мари смотрела в окно, задумавшись; Клара развязала свой узел с шитьем и торопливо работала. Но лица у той и другой были одинаково-печальны и на глазах навертывались слезы. О чем грустила Мари – мы знаем; Клара обшивала детское платье черными лентами.

В эту минуту подошла к ним мамзель Тереза, гордая и самоуверенная, как всегда. – «Вы уж готовы?» сказала она: – и Клара уж опять за работою! Что такое ты шьешь?

– Нынче поутру умерла у меня маленькая сестра, отвечала Клара, приподнимая голову, и глаза её наполнились слезами.

– Неужели? Умерла твоя бедненькая сестрица? Ах, как жаль! И ты шьешь для неё это платье? тоном искреннего сожаления сказала Тереза.

Клара молча наклонила голову.

– Сколько лет было ей, бедняжке?

– Только два года. Какой милый, какой милый был это ребенок!..

– Теперь ей лучше, нежели было бы на свете, сказала Тереза. – Но мне жаль тебя: ведь ты ее очень-любила?

– Как мать она любила ее, сказала Мари.

Несколько других танцовщиц, в том числе и блондинка Элиза, подруга Терезы, с состраданием подошли к разговаривающим. Скоро присоединились к ним все остальные девицы, бывшие в комнате, и поразительно было видеть, какую грустью заменились улыбки на этих, за минуту веселых, лицах. они, разодетые так фривольно, стояли грустные, серьёзные, молчаливые. И странный контраст с мертвою тишиною этой комнаты составляли доносившиеся из двух других комнат шум, болтовня, хохотня, веселые напевы, стук кастаньет и быстрый шорох ног, выделяющих замысловатые па.

– Зачем же ты обшиваешь ей платье черными лентами? сказала Тереза после долгой паузы, нагнувшись и рассматривая платье: – ведь маленьких девушек всегда хоронят в платьях с розовыми лентами. Да ведь нужно бы настоящие ленты, а не миткалевые.

– Да, так и есть, ты спорила их с какого-то старого платья. Это не годится, продолжала Тереза, выпрямляясь. – Твоя сестра хоть в гробу должна быть одета не хуже других детей. – Allons, mesdames! прибавила она, обращаясь к другим: – найдите скорее розовых атласных лент. Сколько тебе их нужно?

– Оставь, оставь, Тереза! говорила Клара: – это ненужно, зачем это?

– Я так хочу. Ведь ты еще только начала пришивать черные ленты; спори их. Mesdames, поскорее давайте розовых лепт!

Девицы уже рылись в своих ящиках и одна уже несла розовые лепты.

Через минуту и в остальных двух комнатах все искали розовых лент. Целая куча их была собрана для сестры Клары.

Как тронуло бедную девушку это участие и как утешительно было ей теперь смотреть на белое платьице, убранное светлыми, радостными розовыми лентами! Как мила в них будет бедная девочка!

– Когда же вы хороните сестру? сказала Элиза, подавая ей несколько букетов искусственных цветов – лучший, почти единственный свой наряд, которым она жертвовала, чтоб убрать гробок девочки: – когда вы ее хороните? Ведь нам надобно же проводить ее – не так ли, mesdames?

– Конечно, подтвердила Тереза: – мы все будем провожать ее и принесем цветов, сколько можем собрать.

– Благодарю вас, сказала Клара. – Похороны будут завтра в десять часов.

– Непременно, все будем, решительно повторила Тереза и взяла готовое, мило-отделанное розовыми лентами платьице, показывая всем, как прекрасно оно теперь вышло.

В этот миг три раза прозвучал звонок – знак, что танцовщицы должны выходить на сцену. Поспешно бросилась каждая запереть свой шкафчик, еще раз оправиться перед зеркалом и, взглянув, хорошо ли сидят башмаки, шумно побежали они вверх по ступеням лестницы, ведущей на сцену.

III. Балет

Перед балетом дают обыкновенно какой-нибудь дюжинный водевиль с простенькими декорациями, чтоб задняя половина сцены оставалась свободна для приготовлений к балету.

Нынче дают балет в четырех действиях и двенадцати картинах, с раздирающими страданиями любовников и большим количеством патетизма, нежели смысла. Одна из чувствительнейших сцен, очень-трудная, должна быть еще раз репетирована. Дело в том, что жених, барон, граф или герцог, в первом действии являющийся добрым малым, хотя его страшно-нафабранные усы и служат ясным предзнаменованием, что он развернется яростным тигром – этот жених, как заведено в балетах, по-несчастью, застаёт у своей невесты влюбленного в нее юношу. Тут-то начинаются ужасы: жених сначала останавливается, как пораженный громом; потом, с яростным взглядом, почти не шевеля ногами, перелетает на противоположную сторону сцены. Астольфо, то есть влюбленный юноша, выхватывает меч; двадцать танцовщиц (свита невесты) единодушно дрожат и отскакивают и снова подбегают; свита жениха надменно издевается над Астольфо; наконец невеста, лежавшая без чувств, вскакивает, как на пружинах, ловит руку своего Астольфо и перед глазами изумленного жениха принимается вытанцовывать с ним *pas de-deux*, которым ясно показывает, что вот-де самый этот Астольфо с детства был предметом моей страстной любви, и что я-де не изменю ему, хоть пишите меня пополам, а за тебя, барон или герцог, не пойду, не пойду и не пойду – вот тебе и все!

Эту сцену наскоро репетировали перед спектаклем, и первый танцор, за отсутствием балетмейстера исполнявший его должность, вздумал осмотреть, хорошо ли и правильно ли одеты кордебалетные танцовщицы. Иным эта ревизия со стороны красивого молодого человека была приятна, другие оборачивались спиной, когда он подходил к ним, третьи спокойно продолжали разговаривать между собою, нисколько не конфузясь его пытливыми взглядами.

– Где мамзель Клара? сказал он, не замечая, что она стояла недалеко от него, за декорацией, изображавшею сад. – Где мамзель Клара? повторил он громко: – прошу ее подойти сюда.

Ослушаться было невозможно и девушка с неудовольствием вышла на слабо-освещенную сцену, где оставался уже только один первый танцор.

– Странно, сказал он с гадкою улыбкою: – что вас всегда надобно звать по несколько раз. Вам было бы лучше, прибавил он, понизив голос: – слушаться моих слов с первого раза.

– Что вам угодно? боязливо спросила Клара.

– Пока я желаю очень-немногого. Вы танцуете в переднем ряду и отчасти со мною: мне нужно взглянуть, как вы одеты; потом сделаем репетицию наших па.

– Я одета хорошо, отвечала девушка, отступая назад.

– Не широки ли вам башмаки? Хорошо ли сидит на вас трико? Я не хочу, чтоб оно давало складки. Позвольте-ко взглянуть; идите же сюда.

Девушка стояла неподвижно. И если б на сцене было светло, видно было бы, как выступил румянец на её щеках сквозь белила.

– Полно-те ребячиться! Вы знаете, со мною негодится шутить. Вы не получите прибавки к жалованью в следующем месяце, если я опять должен буду жаловаться на ваше упрямство и непослушание. Идите же сюда!

Она приподняла на вершок шелковую юбку, так, чтоб видно было колено.

Он сделал к ней несколько шагов; она отступила.

– Вы все ребячитесь; вам надобно во многом измениться, иначе не ожидайте никаких успехов. Не слишком ли туго вы зашнурованы?

– Я не шнуруюсь туго, отрывисто сказала Клара и хотела уйти.

Но первый танцор удержал ее за руку.

– Кажется, наши портнихи шьют на вас небрежно. Для вашей дивной тальи негодятся чужие старые спенсеры. Для вас нужно бы всегда шить новые костюмы. И если, Клара, вы захотите...

Клара хотела вырвать свою руку из его руки, но он предупредил это движение и крепче сжал ее.

– Кажется, продолжал он, нагибаясь к девушке: – начальница гардероба неблаговолит к вам; она дает вам спенсеры слишком-много подбитые ватой... Мы сейчас увидим это...

Но, к-счастию девушки, услужливому товарищу надобно было оставить это исследование, потому что из-за кулис вылетели, быстро вальсируя, две танцовщицы и, не удержавшись, натолкнулись на него так сильно, что он схватился за колонну, чтоб не упасть. В тот же миг они подхватили изумленную и обрадованную своим внезапным избавлением Клару, увлекши ее в бешеный танец и, сделав тур по всей сцене, скрылись вместе с нею за кулисами. Там сильная Тереза (одна из вальсировавших была она) остановилась и остановила двух подруг одним быстрым движением и с громким хохотом бросилась на софу.

– Как я благодарна тебе, Тереза, сказала Клара, переводя дух: – ты избавила меня своею шалостью от самого неприятного положения.

– А завтра же снова ты будешь поставлена в такое же положение, мой друг, с хохотом отвечала Тереза.

– Боже мой! правда, правда. Но что же мне делать? Я совершенно беззащитна, одинока!

– Я тебе скажу два средства, важно сказала Тереза, поставив одну ногу на софу, чтоб поправить башмак, соскользнувший от быстрого танца: – можешь выбирать любое: или тебе надобно войти к нему в милость...

– Никогда! ни за что! с негодованием вскричала Клара.

– Или, если не хочешь, найти себе покровителя, который бы мог сказать нашему первому танцору и всем тем, которые захотят осматривать твой спенсер: «Любезнейший, если вы вздумаете надоедать мамзель Кларе, даю вам приятное для меня обещание устроить, чтоб вас ошкаркали три раза сряду...»

– Или, прибавила Элиза, также вальсировавшая с Терезою: – твой покровитель объяснится с обидчиком где-нибудь в темном переулке.

– Делается и так, смотря по характеру; но это не совсем благородно, надменно возразила Тереза.

– Но я не хочу иметь таких покровителей, робко отвечала девушка.

– Поздно, мой друг, сказала Тереза, обнимая стройную её талью: – ты не избежешь той же участи, какой не избежали мы все, если пошла по одной дороге с нами.

Между-тем водевиль окончился, занавес упал и публика отчасти разошлась по коридорам и буфетам, отчасти занялась разговорами. В партере горячо толковали об ожидаемом балете и вперед жестоко осуждали и музыку, и танцы и декорации его.

На сцене было еще более жизни, нежели в ложах и креслах: поспешно устанавливались декорации, представлявшие огромную залу с белыми и золочеными колоннами, великолепно-освещенную; кордебалетные феи кружились по сцене, особенно у занавеса, в тех местах, где сделаны в нем отверстия, чтоб смотреть на публику. У каждой из этих прорех стояло по полудюжине девушек, нетерпеливо-дождавшихся своей очереди, чтоб взглянуть и передать условный знак.

Вам, читатель, быть-может, кажется, что когда опущен занавес, то этим и кончается сценическая драма. И действительно, вы ничего не заметите через это, по-видимому, неподвижное полотно, если вам не открыты закулисные тайны. Знайте же, что в занавесе каждого порядочного театра сделаны в местах, покрытых черною краскою, две прорехи, через которые постоянно ведется разговор то с одним, то с другим из элегантных зрителей. Каждый из них подстерегает условные знаки, относящиеся именно к нему. Новое лицо, становясь у отверстия,

объявляет о своем появлении тем, что слегка шевелит занавес; это значит: «смотрите, я здесь». Потом в отверстие высовывается конец пальца, в перчатке или без перчатки, движется направо, налево, вверх, вниз – все это различные сигналы; палец исчезает и является вновь, кружится и вертится, и рассказывает привычным глазам целую историю. Если молчит отверстие в занавесе, говорит самый занавес: вот, в известном месте, дотронулся до него палец, чертит различные фигуры: каждая из них имеет свой смысл, понятный только одному, избранному, который жадно смотрит на таинственный и молчаливый для всех других пейзаж или фронтон огромного полотна. И если вы, читатель, научились подмечать эту немую игру, антракты часто бывают для вас интереснее самого спектакля.

Но вот кончилась длинная увертюра, занавес поднялся, публика аплодирует богатым декорациям и действие начинается блестящим балом. Весело, увлекательно гремит музыка; быстро носится по сцене толпа танцующих. Зрители ослеплены радужными переливами материй, развевающимися шарфами, блеском золота, серебра и брильянтов. Только когда сменились декорации и явился сад, освещенный луною, отдохнули глаза зрителей; кордебалет исчез вместе с бальным залом: бедняжкам нужно дать покой после утомительного танца. На сцене только *он* и *она* – это их первая встреча, первое объяснение в любви.

Между-тем за кулисами, танцовщицы кордебалета в изнеможении падают на стулья и диваны, тяжело переводят дух и отирают пот, струями текущий с висков и лба. Все утомлены страшно, и хотели бы отдохнуть, но нельзя: надобно оправить прическу, башмаки и спенсеры.

– Нет, капельмейстер ныне решительно сошел с ума, сказала Тереза, прежде всех успевшая перевести дух: – возможно ли играть в таком быстром темпе? Я измучилась, а до этого трудно, кажется, меня довести. Бедняжка! продолжала она, обращаясь к танцовщице с слабой грудью, которая сидела в совершенном изнеможении, то бледнея, как полотно, то вспыхивая от прилива крови: – хорошо еще, что я успела тебя поддержать. Но уж наговорю же я любезностей этому капельмейстеру, лишь бы пришел он сюда! Лучше ли тебе? спросила она, снова обращаясь к утомленной танцовщице.

Та наклонила голову и, собравшись с силами, проговорила:

– Да, теперь лучше; но тогда со мною сделалось очень, очень-дурно; если б ты меня не поддержала, я упала бы у суфлёрской ложи. Благодарю тебя, Тереза.

– Стоит ли благодарности? Но ты, кажется, туго зашнурована; я распушу корсет.

– Нельзя, тихо отвечала ослабевшая танцовщица: – так сделан спенсер; хорошо было бы мне сказатьсь больною, но я боюсь, что меня уволят из труппы, а тогда чем будет мне жить?

Тереза, пожав плечами, прошептала: «бедняжка!» потом обратилась к Мари, подруге Клары, и отвела ее в сторону, за скалу, которая была приготовлена для третьего акта.

– Ты хочешь о чем-то поговорить со мною, как я слышала от Элизы, сказала Тереза.

– Да, я рада была бы поговорить с тобою; но будет ли у нас теперь время на это?

– До выхода на сцену остается нам еще четверть часа. Так твоя тётка мучит тебя?

Девушка потупила глаза.

– А ты знаешь мою тётку?

– Знаю, как не знать! И вспоминать об этом не хочется! Но, к делу. Я думала, что ты никогда не узнаешь, какова она.

– Долго я и не догадывалась. Молоденькой девочке не приходят в голову дурные мысли. Да и в доме я не замечала ничего такого. Мы живем скромно.

– Ну, конечно, насмешливо сказала Тереза: – если она и устраивает какие дела, то не у себя в квартире. Что ж теперь?

– Ты сама знаешь, что. О, скажи, как мне быть?

– Ты не знаешь, о ком она тебе твердит?

– Однажды он был у неё. И теперь он здесь, в театре.

– Ты мне покажешь его в антракте. Быть-может, я знаю его, и тогда мы увидим, что нам делать.

– Mesdames, начинается третья картина, прокричал режиссёр.

Раздался звонок. Декорации переменились и на сцене явился парк, в котором воркуют нежные любовники и где их застает жених. Эта патетическая сцена, рассказанная нами уже прежде, сопровождалась бесконечными аплодисментами. Но вот и антракт. Мамзель Тереза вместе с Мари стали у отверстия в занавесе.

– Где ж он сидит?

– Четвертая ложа с левой стороны во втором ярусе, сказала Мари, посмотрев с минуту на публику.

– Во втором ярусе? протяжно повторила Тереза: – значит, блестящего мало. Однако, посмотрим. Раз, два, три, четыре – нет, Мари, ты верно ошиблась, или он ушел и на его место сел другой. Взгляни еще раз.

– Нет, это он самый; он зевает и поправляет волосы.

– Так. И это он, ты не ошибаешься?

– Он. А кто эта дама подле него?

– Его жена. Прекрасное дело он задумал!

– Это ужасно! Что мне делать, Тереза? Скажи, что мне делать?

Посмотрев еще с минуту, Тереза молча отошла от занавеса с горькою улыбкою на задумчивом лице. – Гнусный человек! проговорила она наконец.

– Ты знаешь его?

– Знаю, хоть никогда ни слова не говорила с ним. Ты знаешь, у меня есть сестра швея. Она искала у них работы и понравилась его жене. Но этот безукоризненный господин сказал, что не хочет и слышать, чтоб в его дом ходила женщина, у которой сестра танцовщица. «Приищи, мой друг, швею из честного семейства» сказал он жене. «Из честного семейства!» – Это было четыре года назад. А я тогда была чиста, как невинный младенец. О, я постараюсь ему припомнить эти слова!

– Но что ж мне делать?

– Пока ничего; только сказывай мне обо всем в подробности. Прекрасно, прекрасно, припомнятся тебе твои слова, гадкий лицемер!

IV. Клара и её семейство

Как все на свете, не бесконечен был и балет. Влюбленный юноша, с грациозными пируэтами, ускользнул за кулисы; барон, или граф, выразил нежными па свое примирение с невестой и дело заключилось свадебным балом, на котором первый танцовщик и первая танцовщица исполнили *pas-de-deux* по всем правилам балетной науки, ломаясь удивительнейшим манером и превосходно доказав публике, до каких уродливых и невозможных в природе перегибов может быть доведено искусством человеческое тело. Особенно первый танцовщик заслужил общую похвалу, показав, что может сгибать ноги в колене не только назад, но и наперед, в противность естеству людскому. Он, кажется, готовился уже перевернуться и начать пляску на руках, вверх ногами, но упал занавес и он избавился от этого подвига.

Через четверть часа темна и пуста была сцена. одни уборные были освещены и полны суматохи. Торопливо переодевались танцовщицы, уже не заглядывая в зеркало, и почти все, не снимая трико, которое задержало бы, просто надевали поверх его чулки и башмаки, чтоб успеть уехать в первой карете.

Клара бережливо уложила свой театральный костюм и траурное платье сестры, и должна была дожидаться, пока карета возвратится. Вечер был холоден и туманен. Стекла кареты потускнели так, что сидевшим в ней девицам невидно было, по какой улице они едут, и каждый раз, как останавливался экипаж, они спорили, к чьему дому он подъехал. Лакей решал это, называя по имени ту, которой очередь выходить из кареты. Вот экипаж доехал и до квартиры Клары.

– Позвонить, чтоб вам отперли? ласково спросил лакей.

– Благодарю; со мною ключ, я войду никого не беспокоя. Прощай.

– Позвольте мне, мамзель Клара, принести завтра венок для вашей сестрицы. У меня есть знакомый садовник; я у него выпрошу – и поспешно проговорив это, старик-лакей, не дожидаясь ответа, захлопнул дверцу и закричал кучеру: «пошел!»

Клара простояла у двери своего дома с минуту, прислушиваясь к стуку удалявшегося экипажа, потом прошла далее, к булочной, находившейся в нескольких шагах, и, купив белого хлеба, медленно пошла домой, останавливаясь почти на каждом шагу, вслушиваясь в отдаленные шаги прохожих. «Странно» думала она: «в первый раз нынче его нет: он не был ни в театре, ни у кареты, когда я садилась в нее, нет его и здесь!»

Она была уж у двери, ведущей на её лестницу, вынула ключ, отперла и хотела войти на темную лестницу, как послышались на улице поспешные шаги и мужской голос сказал тихо:

– Фрейлейн Клара, минуту, одну минуту. Я должен сказать вам два слова.

Танцовщица остановилась в дверях и спокойно ожидала быстро-приблизившегося мужчину.

– Я так бежал, сказал он: – что едва перевожу дух. Как я рад, что успел увидеть вас!

– Вас не было в театре, и я не ожидала увидеться нынче с вами, отвечала девушка.

– Мне было невозможно быть в театре. А как я бежал! Я был в скучном, ужасно-скучном обществе, и только сейчас успел вырваться оттуда. Я пришел только, чтоб видеть вас.

– Я рада, что увидела вас, отвечала девушка, доверчиво смотря на него. – Я так привыкла видеть вас каждый вечер, что без этого мне чего-то недостает.

– Благодарю вас за эти слова; но если б вы не были так неумолимы, фрейлейн Клара, давно бы я нашел случай познакомиться с вашим батюшкою и бывать у вас.

– Нет, нет, я не хочу этого! Довольно уж и того, что мы видимся здесь или в театре. Этого со мною никогда не бывало; довольно и этого.

– Я буду доволен только тогда, если вы дадите мне вашу ручку.

– Пожалуй, только с условием, что вы сейчас уйдете.

И она взяла узлы, ключ и хлеб в одну руку, чтоб протянуть другую своему другу, который начал осыпать поцалуями эту миньютюрную ручку. Но Клара вырвала ее, убежала и с лестницы уж сказала ему:

– Уходите же. До свиданья.

Молодой человек стоял перед домом, смотря на окно в верхнем этаже. Вот покачнулась в окне стора, значит, отворилась дверь и Клара входит в свою комнату. И молодой человек удалился тихими шагами.

По темным извилинам Клара поднялась в четвертый этаж, ощупала рукою дверь, осторожно отворила ее и вошла в переднюю, где не было свечи, только в широкия щели дверей из другой комнаты падала светлая полоса, и направляясь по ней, Клара тихо прошла в другую комнату, где сидело все семейство.

Это была довольно-большая комната, потолок которой спускался к одному боку, соответственно положению кровли дома. Между единственным окном и железною печью, которая, судя по холоду, бывшему в комнате, топилась не каждый день, стоял письменный стол, заваленный бумагами и книгами, перед ним стул с красною подушкою; в другом углу две постели, большая и детская. Другой стол и три-четыре стула, старый комод и зеркальцо довершали меблировку комнаты, которая смотрела очень-пустынно, потому что мебели было слишком-мало для её величины. Единственным представителем роскоши был висевший на стене портрет какой-то знаменитой танцовщицы, экземпляры которого были ею подарены всем членам труппы.

На детской постели лежали два ребенка, шестилетняя девочка и четырехлетний мальчик; у стола сидел пожилой мужчина, чинивший перо и с-тем-вместе уговаривавший детей лежать смирно и заснуть. Они хныкали и пищали; но при появлении Клары плач их прекратился.

– А, вот она, наша общая утешительница! Здравствуй, Клара! Пожалуйста уговори их, чтоб они уснули, сказал он, увидев дочь, поправил на столе бумаги и принялся писать.

Дети приподнялись и зорко следили за всеми движениями Клары. Заметив, что она кладет на окно хлеб, мальчик весело закричал: «принесла! принесла!»

– Ты все пишешь, батюшка, сказала Клара, подходя к отцу: – уж поздно; побереги свои глаза.

Действительно, ему было бы надобно беречь глаза, потому что он, хотя и в очках, наклонял лицо к самой бумаге. Но он бодро отвечал:

– Ничего, они у меня еще хороши; времени тратить нельзя. Вот я теперь смотрю на тебя, мой милый дружок, Клара, и они отдыхают. Милая моя, как ты хороша!

– О чем плакали дети? сказала Клара, цалуя руку отца: – верно, шалили, поссорились, и надобно побранить их?

– Нет, нет, отвечал старик: – они весь вечер играли очень-мило; я сам любовался на них; какими чудесными ужинами угощали они друг друга!

– А вы ужинали?

– Боже мой! я... я и забыл, сейчас только вспомнил...

– Что забыли? Неужели сходить к книгопродавцу за деньгами?

– Нет, этого я не забыл, но не застал Блаффера дома.

– И, стало быть, вы не получили денег?

– Разумеется, добродушно отвечал отец. – От кого же получить, если не застал его.

– Так вы не ужинали?

– Мы сыты; дети с удовольствием кушали хлеб.

– Черный хлеб – так?

– Да; но он был очень-хорош.

– Я так и думала, сказала Клара, стараясь улыбнуться: – поэтому я запаслась для вас белым хлебом; у соседки еще не спят: я видела огонь; сейчас попрошу у ней молока и сделаю

молочную кашу, прекрасную, вкусную кашу, повторила она, обращаясь к детям, которые весело улыбнулись при этих словах.

Отец раскрыл книгу, поправил бумагу и начал писать.

Несовсем-приятно было Кларе идти с просьбой к соседке. Соседка эта была набожная вдова, пользовавшаяся большим уважением за свои строгия правила и потому возбуждавшая во всех щедрых людях большое сострадание своею бедностью. Получая пособия по крайней мере от двадцати семейств, любивших её беседы, она могла жить с своими двумя дочерьми, не терпя никакой нужды, даже не имея надобности заниматься никакою работою, и все время употребляла на те занятия и беседы, которыми снискивала себе почитательниц и благодетельниц.

Когда Клара отворила дверь в уютную комнату вдовы, фрау Вундель с двумя дочерьми только-что села за сытный ужин. В печи весело трещали дрова, разливая приятную теплоту.

– Ах, фрейлейн Клара! сказала вдова, опуская на стол вилку: – чему обязаны мы удовольствием видеться с вами в такой поздний час?

– Я хотела попросить вас, мадам Вундель, одолжить мне, если можно, немного молока: у нас вышло все, а я воротилась из театра так поздно, что наша лавочка уже заперта.

– Так, очень-хорошо, молока? с удовольствием, если оно у нас есть. Только мне кажется, чуть-ли мы не выпили все нынче поутру с кофе. Ты не знаешь, Эмилия, продолжала она, обращаясь к старшей дочери: – осталось у нас молоко, или нет?

Эмилия, привыкшая хорошо понимать слова матери, сказала, придвигая к себе тарелку:

– Очень-жаль, фрейлейн Клара, по молока у нас не осталось ни капли.

– Да, да, в-самом-деле, подтвердила вдова, снова принимаясь за вилку: – теперь помню, точно ничего не осталось.

– Нет, вы забыли, сестрица, сказала недогадливая младшая дочь: – Теперь, вечером, принесли нам две кринки молока, и одну можно отдать Кларе.

Вдова с досадой сжала губы и злобно взглянула на эту непрошенную советницу.

– Смотрите, какая хозяйка! Взгляни, Эмилия, в-самом-деле. Если молоко есть, мы дадим его с удовольствием.

Эмилия сердито оттолкнула тарелку и пошла в другую комнату.

Бедная танцовщица стояла как на углях, догадавшись, несмотря на свое простодушие, в чем дело; но младшая дочь, не обращая внимания на грозные взгляды матери, спокойно продолжала:

– Надобно вас поздравить, Клара: нынче были вы очень-интересны и прекрасно танцевали!

За эти неосторожные слова строгая вдова толкнула под столом ногою ногу дочери.

– Так вы были в театре? спросила Клара. – Да, нынче балет был прекрасный. Часто вы бываете в театре?

– Она иногда бывает, но очень-редко, возразила г-жа Вундель тоном оскорбленной невинности: – что делать, молоденькия девочки не понимают, что хорошо, что нет. Но мы с Эмилией никогда не бываем в театре и никогда не позволим себе этого.

– Отчего же? ведь это приятное развлечение, сказала Клара, чтоб отвечать что-нибудь, беспокойно взглянув на дверь соседней комнаты, из которой слышалось, как-будто что-то переливают из одной посуды в другую.

Мадам Вундель с достоинством пожалала плечами и вскинула к потолку глаза.

– Одно знакомое семейство, имея иногда даровые билеты, берет в театр мою дочь. Конечно, это для меня огорчительно; но что же делать? Не могу внушить приличия глупой девушке.

Тут вошла в комнату Эмилия с желанною кринкою молока; Клара с благодарностью обещала отдать недалеко как завтра и ушла.

Тогда г-жа Вундель начала изобличать глупое поведение своей младшей дочери и объяснила ей, что она дура и негодница.

Между-тем, в соседней квартире старик продолжал писать, а мальчик не спускал глаз с дверей, что и было с его стороны очень-натурально.

– Клара принесет нам сладкого, много, сказал он сестре.

– Ничего не принесет, отвечала девочка, которая была старше брата и больше его понимала: – а ты лучше усни.

Но Клара принесла кринку молока – и дети запрыгали от восторга. Через несколько минут вкусная молочная каша была готова, и с какою жадностью бросились есть ее дети! Отец не хотел садиться за стол, но Клара посадила его почти-насильно и, убедившись, что кушанья достанет всем, он также начал есть с аппетитом, хотя и говорил, что ему не хочется есть, что он совершенно сыт, закусив хлебом.

– А что ж мы забыли Анету? вдруг сказал мальчик: – ведь она еще ничего не кушала, ей тоже хочется покушать.

Он говорил об умершей сестре, которая лежала в другой комнате.

– Она не будет теперь кушать: она теперь умерла, улетела на небо, отвечала ему девочка. Старик-отец тяжело вздохнул и опустил ложку.

– Нет, ты не знаешь, она еще не ушла на небо, она там лежит на подушке; она уйдет на небо, когда ее похоронят; завтра она уйдет на небо, возразил мальчик.

– Уж завтра! – сказал отец, отирая глаза. – Ты все приготовила, Клара?

– Приготовила. И если вы, дети, будете умны, я покажу вам платье, в котором Анета пойдет на небо.

Она пошла к окну, где лежал узел, и стояла лицом к стене долее, нежели было нужно, чтоб развязать узел: ей не хотелось, чтоб отец заметил её слезы; но дети нетерпеливо просили скорее показать им платье Анеты, и Клара повернулась к ним, держа в руках прекрасное белое платьице с розовыми лентами.

– Ах, как чудесно! ах, как чудесно! Милочка, Клара дай, я его обновлю, надень его на меня! кричал мальчик, прыгая и ласкаясь к сестре.

– Не торопись, Карл, сказал отец: – когда-нибудь не уйдешь и ты от своей очереди. Но прежде вырасти большой, порадуй меня.

– Теперь вы довольно насмотрелись, пора спать. Я вас уложу, идите, сказала Клара. И через пять минут дети уснули, весело мечтая о прекрасном платьице Анеты.

Отец сел опять писать, чтоб кончить лист, а Клара пошла взглянуть на умершую сестру. Как хороша лежала теперь девочка! А сколько страдала она, бедняжка! её болезнь была продолжительна. Однажды, когда Анета стала дышать очень-тяжело, Клара в антракте (в тот вечер, по обыкновению, она была на сцене) подошла к ложе придворного медика и дождалась, пока он пошел в буфет. Он был добрый человек, и она почти на коленях умоляла его приехать к ней в дом, взглянуть на больную сестру, спасти ее. Долго доктор не мог опомниться от изумления, увидев перед собою девушку в балетном костюме, и долго не мог понять её слов, прерываемых рыданиями, но, разобрав, наконец, в чем дело, обещал исполнить её просьбу, и действительно приехал в тот же вечер, к общему удивлению всех жителей переулка, бесконечно-озадаченных появлением его богатого экипажа. Но взглянув на больного ребенка, он пожал плечами и сказал, что он умрет чрез несколько часов. К утру девочка действительно умерла... Долго стояла подле тела её печальная сестра, заменявшая ей мать; но возвратившись в прежнюю компагу, нашла отца все еще сидевшим за своим переводом. И как почти насильно усадила его дочь ужинать, так теперь почти насильно заставила его лечь спать.

V. Граф Форбах и его друзья

Молодой человек, так поспешно-шедший на свидание с Кларой, удалялся от её дома медленными шагами, изредка оглядываясь на окно, за занавесом которого была теперь она. Задумчиво шел он по извилистым улицам предместья, как-вдруг его остановил шум, выходявший из ворот хорошо-знакомого ему старого дома, чрезвычайно-живописной наружности. Молодой человек часто рисовал в своем альбоме это оригинальное здание, известное под названием «Лисьей Норы». Теперь это на половину-разрушившееся строение служило приютом для шарманщиков, уличных певиц и всякого рода бедняков, бродяг и отчасти мошенников, потому что хозяин дома мужественно защищал своих жильцов от всяких опасностей. Молодой человек, зная, что ночью, проходя мимо этого дома, не мешает быть осторожным, остановился за углом ближней избышки, услышав, как мы сказали, в темных воротах его шаги и шум голосов. Через минуту двое разговаривавших вышли на улицу. Один из них был хозяин дома, Шарфер, высокий мужчина с большим носом, широким, вечно-улыбающимся лицом и резкою физиономиею. Лицо другого было закрыто воротником плаща. Молодой человек хотел пройти далее, но слова, сказанные господином в плаще, привлекли его внимание.

– Она должна завтра же уехать отсюда; паспорт ей давно достали; чего ж она ждет? говорил человек в плаще: – я не люблю, чтоб меня обманывали.

– Она уверена, что вы ей поможете, отвечал хозяин. – Потому я и просил вас зайти сюда. Ведь она может быть полезна: преумная и ловкая девушка.

– Так, так; но все ее знают.

– Э, ничего! на это есть средства. Хотите поспорить, что она где-нибудь встретится с вами под видом француженки-гувернантки, и вы сами ее не узнаете? Поверьте, лучше оставить ее здесь: увидите, что в первом же важном деле без неё мы не обойдемся.

– Нет, это невозможно! с досадою отвечал собеседник хозяина. – Мы дадим ей рекомендательное письмо, и пусть едет в Берлин. Здесь она может ввести нас в хлопоты.

– Подождите хоть три-четыре дня. Переговорите прежде с Мастером Кристофом.

– С ним я не хочу говорить о таких пустяках; у меня будут к нему дела поважнее.

– Пожалуйста! настойчиво твердил хозяин: – ведь я почти-что обещал ей наврное.

– Ну, если так, пожалуй, поговорю с ним; но если он скажет, чтоб уехала, то прошу вас кончить это дело и не прятать ее у себя.

– Если он скажет, кто же решится не послушать? Я с ним не захочу ссориться ни за что в мире, с жаром сказал хозяин.

– Да, с ним ссориться плохо. Прощайте же, не забудьте моего адреса, какой сказал я вам для этой недели. Помните: я не хочу ни с кем видаться, сказал господин в плаще, старательнее закрываясь воротником.

– Адрес как не помнить. В Грязном Переулке, номер сорок-восьмой, отвечал хозяин.

– Так, сказал господин в плаще и пошел по улице.

Охотно пошел бы за ним молодой человек, которому голос его казался знакомым, чтоб удостовериться в своих догадках, но это было невозможно. Шарфер долго стоял у ворот и ушел назад только тогда, как его собеседник уже скрылся из виду. И молодой человек, отказавшись от всяких поисков, прошел к графу Форбаху, у которого и прежде располагал просидеть остаток вечера. Так-как теперь он должен явиться в обществе людей высшего круга, то мы должны сказать, что наш молодой человек был сын богатого банкира, занимавшийся, по страсти, живописью. Имя его было Артур Эриксен.

Граф Форбах был единственный сын тогдашнего военного министра и занимал отдельный флигель в великолепном отцовском доме. На вопрос Артура, дома ли молодой граф, слуга отвечал, что дома и у него сидит барон фон-Бранд с двумя другими гостями.

– А давно здесь барон? спросил Артур.

– Минут с десять, отвечал слуга.

– Пешком он пришел, или приехал?

– Пришел пешком, как сказывали лакеи из дома старого барина. Он прежде к нему заходил.

– Значит, я ошибся, сказал Артур, чтоб не подать подозрения слуге своими расспросами: – а мне показалось-было, что я встретил его на улице.

Он прошел в роскошно-меблированную комнату, где сидел молодой граф с гостями, расположившимися у камина на спокойных креслах.

До появления Артура, разговор шел довольно-вяло. Пока граф делал ему вопросы, которыми обыкновенно встречают нового гостя: о том, был он в театре, и почему не был и т. д., Артур несколько раз пристально посматривал на барона, который в живописной позе стоял у камина, опершись на него одною рукою и заложив другую за жилет.

Барон Бранд был мужчина лет тридцати, среднего роста, худощавый, стройный и элегантный; широкия плеча и высокая грудь показывали в нем атлета; и действительно, барон любил, при случае, похвастаться физическою сплюю. Цвет лица его был свеж, серые глаза очень-живы. Коротко-обстриженные, зачесанные вверх рыжеватые волосы и торчащие кверху усы придавали его физиономии выражение смелое, даже дерзкое. Другие собеседники были Эрист фон-Зальм, королевский флигель-адъютант, мужчина лет сорока, и Эдуард фон-Брахфельд, молодой ассессор, державший себя очень-солидно, чтоб скорее быть советником. Наконец сам хозяин, также флигель-адъютант, был юноша лет двадцати-двух, добрый и милый, но довольно-легкомысленный.

– Теперь скажите, барон, почему вы не были нынче на обеде у Зейденвурма? сказал хозяин, обращаясь к Бранду: – мы ожидали вас там встретить.

Барон улыбнулся, между-прочим, длятого, чтоб иметь лишний случай показать свои прекрасные зубы, и сказал:

– Вы знаете, граф, я ненавижу обеды, особенно в обществе дам. Если б я был законодателем, я установил бы, чтоб каждый ел и пил в совершенном одиночестве. Скажите, может ли быть картина неприятнее той, когда человек ест? Какие уродливые гримасы он строит, какое животное удовольствие выражается на его лице! Мне стоит только видеть женщину за столом, и я охладею к ней, как бы ни был влюблен. И если мне случается быть на обеде, я сижу все время с потупленными глазами, будто робкая девушка.

– Барон, барон! сказал смеясь Форбах: – знаем мы, зачем вы потупляете глаза! Ведь одна из ваших могущественнейших военных хитростей: вдруг подняв длинные ресницы, ловко бросить внезапный, непобедимый взгляд.

Барон улыбнулся, как селадон, притворяющийся скромником, посмотрел на свои изящные ногти, поправил усы и сказал:

– Вы на меня клеветаете. Если мне случается поднимать глаза, то без всякого коварного умысла. Сознайтесь сами, господа, продолжал он, обращаясь ко всем: – можно ли жить скромнее меня? И с усмешкою, очевидно-предназначенною выразить: «Я, господа, не хвастаюсь своими победами, хотя и мог бы», он вынул платок и грациозно отер им губы. От платка распространилось дивное благоухание.

– Смотрите, он опять открыл новый и восхитительный сорт духов! сказал граф. – Откройте нам тайну его имени, барон, и скажите, откуда вы его достали?

Барон, встряхнув платком, с важностью отвечал:

– Это моя тайна. Что ж, ведь у каждого из нас есть свои тайны: у вас, майор, военные и придворные, у нашего будущего советника – юридические, у вас, граф – светские, модные, у вас, господин поклонник Рафаэля – художественные и, конечно, сердечные, тесно с ними

связанные; моя специальность *c'est des odeurs*, и все мои изыскания относятся к сфере благоухания.

– Но ведь вы не объяснили этим тайны, открытия которой мы просим, сказал майор: – уже-ли вы будете так жестоки?

– Здесь нельзя найти таких духов. Я их получаю от одного из моих константинопольских друзей, который контрабандным образом покупает их из сераля. Их умеет готовить только один армянин; название их *sœur de rose*.

– Но послушайте, барон, сказал ассессор: – употреблять духи, каких ни у кого нет, кроме вас, опасно: это, при многочисленности ваших побед, может повести к неприятным случаям. Вообразите, какой-нибудь бедняк входит в будуар жены и сейчас слышит носом, что вы приезжали с визитом.

– Это уж и случалось не раз, заметил майор. – Кстати о подобных сценах. Я невольно был свидетелем сцены между бароном и баронессою Вольмар, которые живут напротив моей квартиры. Сначала он подошел к окну, сердитый и расстроенный и долго барабанил пальцами по стеклу, потом быстро отошел и через минуту уехал из дома. Тогда явилась у окна баронесса с заплаканными глазами. Жаль бедную баронессу. Она не подает ему никакого повода ревновать, а он мучит это кроткое и милое существо, и только за то, что она родилась красавицею.

– Это правда, она очень-хороша собою, сказал барон Бранд, принужденно зевая: – только её волосы мне не нравятся.

– Волосы? Нет, я с вами несогласен, возразил живописец: – я никогда не видывал таких дивных русых волос.

– Согласитесь же, барон, шутливо сказал хозяин: – ведь у вас цвет волос такой же, как у неё. И знаете ли, я уверен, что найдется между вами какое-нибудь родство; справьтесь только с вашей родословною.

По лицу барона пробежала тень, он даже закусил губы от неудовольствия, но через секунду опять уже принял обыкновенный свой улыбающийся вид. Он пристально и самодовольно посмотрелся в зеркало, стоявшее над камином, и сказал решительным тоном: – Нет, господа, как ни хороша собою баронесса, но не должна иметь притязания хотя на какое-нибудь сходство со мною.

Разумеется, он хотел это сказать в шутку, но все, хорошо зная слабость его, расхохотались.

– Как хотите, сказал майор: – несомненно только то, что баронесса Вольмар красавица.

– А барон Бранд один из красивейших мужчин, прибавил хозяин, чтоб окончить разговор любезностью. – Но я не понимаю, почему до сих пор не подают нам чаю? Ведь уже одиннадцать часов. Надобно позвонить.

Он позвонил и тотчас же явился чай, легкая закуска и бутылка шампанского. В то же время вошел старый камердинер и сказал графу:

– Барон фон-Данкварт приехал к вашему сиятельству и изволит спрашивать, у себя ли вы.

– Нет, холодно отвечал граф, пожимая плечами: – для барона фон-Данкварта я никогда не желаю быть у себя.

– Ваше сиятельство, он уже вошел в залу.

Хозяин заметил, что портьера шевелится, и сказал, притворно-недоумевающим голосом:

– Вероятно, лакей переврал имя. Я не знаю никакого барона Данкварта. Господа, кажется такой фамилии не существует?

– Кажется, нет, серьезно подтвердил ассессор, поддерживая хозяина.

– Ах, любезный граф, как вы остроумно шутите! раздался голос в дверях и показался из-за портьера маленький человечек, лукаво улыбаясь и подходя к хозяину чопорно и вместе как-то суетливо. Его правая рука колебалась, как-будто он готовился пожимать руки мильй-

она задушевных приятелей. Но никто не отвечал на его навязчивые и вместе нерешительные манёвры. Граф, в одной руке державший сигару, поспешил другую занять чашкою чаю и с притворным изумлением сказал:

– Ах, это вы, Данкварт! Прислуга всегда ужасно перевирает фамилии! Извините, сделайте милость, что не могу протянуть вам руки: не хочется расстаться ни с чаем ни с сигарою.

Маленький человечек, поднявший свою палевую перчатку для дружеского пожатия, не смутился: он поднял руку выше и, любезно потрепав по плечу графа, приговорил:

– О, какой вы сибарит! Не любите беспокоить себя! Но между приятелями что за церемонии! Потом он оглянул всех кругом, сказал майору, что рад, встречая его здесь, то же повторил ассессору и тихонько дотронулся до плеча барона Бранда, который принял такую позу, что сидел к вошедшему гостю задом. Тогда барон, даже не оглядываясь на него, кивнул головою и прибавил:

– А, барон Данкварт? что так поздно? очень-приятно вас видеть.

– Какой забавник! отвечал Данкварт, громко засмеявшись: – говорит, что меня видит, а сам сидит ко мне спиною – вот так умора! Вслед затем он положил шляпу на диван, осмотрел всех еще раз, не замечая, однако ж, живописца, хотя тот был к нему ближе всех, вздохнул с приличною важностью и уселся.

Хозяин должен был представить друг другу Артура и Данкварта.

– Никогда еще не имел чести слышать о вас, сказал маленький человек, когда граф назвал Артура живописцем: – и это меня удивляет. Вот все господа знают, что художники ищут моего знакомства, что... как бы это выразить? для каждого художника полезно, чтоб я знал его. Повторите ли, граф, продолжал он, помолчав: – нынешние молодые художники не хотят слушать советов. Вот, например, я могу без хвастовства сказать, знаю толк в живописи, но трудно сладить с этими господами: решительно не слушают самых дельных замечаний.

Но присутствие этого покровителя искусств видимо было всем неприятно и через несколько минут майор и ассессор простились с хозяином.

– Я отослал свой экипаж домой, рассчитывая, что вы, майор, завезете меня домой, сказал Данкварт.

– К-сожалению, я уже прежде предложил место в своей коляске Брахфельду.

– Я с удовольствием довез бы вас, прибавил Бранд: – но со мною едет *monsieur Arthur*, и потому вам придется послать за извозчиком: в такую погоду нельзя идти пешком.

Хозяин отвел майора в сторону и шепнул:

– Пожалуйста, потеснитесь как-нибудь и возьмите его с собою: иначе он промучит меня еще часа два.

Майор, из угождения Форбаху, взял с собою несчастного Данкварта; в другом экипаже поехали барон и Артур. Сначала разговор между ними вертелся около общих мест, но Артура опять поразило сходство баронова голоса с голосом человека, встреченного им у Лисьей Норы.

– Странно, сказал он: – до какой степени может простираться сходство голосов! Нынче вечером на улице слышал я голос, который показался мне совершенно вашим; но вы в то время не могли быть там.

– Где ж это? спросил барон Бранд, вынимая платок – и экипаж наполнился благоуханием *coeur de rose*.

– Нет, это случайное сходство; вы не могли там быть. Я говорю о старинном полуразвалившемся доме близь рынка, очень-живописном; в нем есть харчевня и он населен бродягами всякого рода.

– Это должно быть интересно. Вы бывали в нем?

– В самом доме? никогда.

– Жаль; а я хотел просить вас быть моим руководителем в эту харчевню: там, вероятно, можно видеть интересные сцены. Как зовут харчевню?

– Лисья Нора.

– Никогда не слыхивал; но постараюсь запомнить на всякий случай, сказал барон.

На этом остановился разговор, потому что экипаж подъехал к дому Артура. Высадив его, барон Бранд отправился домой и, отпустив экипаж, хотел позвонить у своей двери, как подошел к нему мужчина, узнав которого в лицо, барон дружески и вместе почтительно поклонился.

– Случайно прогуливаясь, встречаю вас, и очень тому рад, сказал подошедший мужчина: – у меня есть до вас просьба.

Они вошли в комнаты.

– Вы знаете, сказал незнакомец: что я хотел бы сблизиться с m-lle Зальм, но её семейство, в том числе особенно мать и дядя, майор, не могут меня терпеть; кроме того, я опасаюсь молодого графа Форбаха. Только один отец на моей стороне; но этого мало; мне нужна ваша помощь. Я был бы чрезвычайно обязан вам, если б вы следили за отношениями m-lle Зальм и Форбаха.

– Я сочту себе счастием быть полезен вам, отвечал барон: – можете на меня положиться.

И они простились.

VI. Й. Х. Блаффер и Коми

Ярко освещено кладбище веселым утренним солнцем и жарко сияют бронзовые кресты памятников. Все тихо на кладбище. Служители, выкопав две могилы – одну, просторную, на лучшем месте, другую, узенькую, неглубокую, в отдаленном углу – сидят на паперти часовни и толкуют, понюхивая табак.

Из ворот города направляется к кладбищу богатая похоронная процессия: катафалк отделан великолепно, перед ним идет множество факельщиков, позади тянется длинный ряд экипажей. В то же время идет другая процессия, знакомая нам: пожилой мужчина несет маленький гробик; за ним идут двое детей, потом несколько танцовщиц и впереди всех, конечно, Тереза, не спуская глаз с Клары. Они сошлись в воротах кладбища с великолепным поездом, и часть того блеска, с которым совершался обряд богатых похорон, отразилась и на гробе бедной девочки. По окончании церемонии, Тереза посадила в экипаж Клару и детей, чтоб отвезти их домой под своим надзором, а отец отправился один пешком другою дорогою в другую часть города по своему делу. Дела бедняков не терпят отсрочки. И однако ж, он шел медленно, как бы ему не хотелось прийти туда, куда он шел. Часто, в задумчивости, начинал он что-то считать по пальцам, но, вероятно, результат вычислений был неудовлетворителен, потому что, сосчитав, он каждый раз уныло качал головою.

Но как ни медленно шел старик, а все-таки скорее, нежели желал бы, он увидел перед собою черную вывеску с огромными буквами: «Книжная лавка Й. Х. Блаффера и Компании».

Глава фирмы, Блаффер, сидел за завтраком, окруженный газетами, брошюрами, корректурными листами и т. д.; он, кушая, рылся в этих кипах печатной бумаги, и в то же время поглядывал через дверь в соседнюю комнату, наконец громким и резким голосом сказал:

– Господин Бейль, занимайтесь, пожалуйста, своим делом; на потолке ничего путного не увидите.

– Напротив, на потолке занимает меня удивительная редкость: муха, в декабре месяце; бедняжка, она едва передвигает ноги. Не взглянете ли и вы на нее, г. Блаффер?

– Как это глупо! проворчал Блаффер, и сделал вид, будтобы просматривает газету, но сам пристальнее прежнего глядел на Бейля.

Бейль, конторщик Блаффера, мужчина низенького роста, с огромною головою, был одет бедно и несовсем-опрятно. Это пустое обстоятельство много раз мешало ему получить более-выгодные места, хотя он был человек честный, знающий свое дело и трудолюбивый; потому и теперь он принужден был служить у Блаффера, который давал конторщику ничтожное жалованье. Бейль не дорожил местом, и зная, что Блаффер не найдет другого конторщика за такую сходную цену, не церемонился с хозяином и за недостаточность жалованья вознаграждал себя разными выходками, восхищенным слушателем которых был мальчик, находившийся в ученье при магазине. Бейль и теперь взглянул на него после своего фамильярного ответа хозяину, потом раскрыл конторскую книгу и начал писать.

Блаффер, позавтракав, вошел в контору. Это был бледный и высокий, сутуловатый мужчина лет сорока, угрюмый и суровый. Он был сильно раздосадован выходкою Бейля, и чтоб на ком-нибудь выместить сердце, дал щелчок по голове мальчику, прибавив: – по-вашему, сударь, должно-быть, макулатура не стоит денег, что вы ее так изволите топтать?

– Да, эта макулатура обошлась нам недешево, заметил Бейль: – вы заплатили за оригинал очень-хорошую цену, а книга совершенно нейдет.

Блаффер хотел вспылить, но, зная характер конторщика, показал вид, будто не понял намека на свою ошибку, и сказал:

– Да, немецкая публика совершенно испортилась: ничего хорошего не покупает. Если б не этот американский роман о неграх, да не сочинения Дюма, то пришлось бы хоть закрыть лавку.

В это время раздался звонок. Ученик бросился-было отворить, но остановился, вспомнив приказание хозяина всегда несколько времени ждать второго звонка. Блаффер предугадывал этим средством, каков будет посетитель: если он смело тотчас же дергает звонок во второй раз, значит, он пришел с деньгами, а не за деньгами; если же он терпеливо ждет и робеет беспокоить вторым звонком, он, без сомнения, бедняк, пришедший просить денег. Теперь второго звонка не было; и действительно, когда отворили дверь, явился отец Клары. Бедняк, разумеется, снял шляпу еще не переступая за порог, и, поклонившись Блафферу, остановился у двери, в смущении поправляя свои седые волосы.

– А, это вы, Штайгер! сказал книгопродавец. – Посидите вот на ящике, я сейчас дочитаю эту рецензию в газете; она касается вашего перевода.

Штайгер сел на ящик с книгами, положил шляпу на колени и смотрел на книгопродавца не спуская глаз.

– Да, вот что говорят о вашем переводе – извините, я прочту вам этот отзыв, несомненно для меня приятный: «Имя переводчика, г. Штайгера, нам неизвестно...» ну, и так далее, то-есть, упрекают собственно только меня, зачем я не поручил перевода какому-нибудь известному литератору. Разумеется, я мог бы это сделать: от денег никто не откажется.

Штайгер уныло повернул в руках свою старую шляпу.

– Потом рецензент обвиняет меня в том, что выпуски романа издаются слишком-медленно. Сколько ливрезонов у нас выпущено?

– Четыре, холодно отвечал Бейль: – а в других переводах вышло только два выпуска.

– Ну, да ведь то не ливрезоны, а томы, с неудовольствием сказал книгопродавец: – вам нужно поторопиться, любезный г. Штайгер.

– Я работаю день и ночь, отвечал переводчик: – мне самому нужно работать как можно больше, чтоб кормить семейство. Я принес рукопись для пятого выпуска. Она была бы готова третьего дня, если б не болезнь и смерть моей дочери...

– У вас умерла дочь? с участием спросил конторщик: – ужели m-lle Клара? Нет, скажите, не она...

– Нет, Бог еще милостив ко мне; умерла моя самая младшая дочь, больной ребенок.

– Не горюйте много, скажите лучше: слава Богу, что он взял ее к себе, наставительным тоном произнес книгопродавец: – ведь дети, хоть и милы, да лишняя тяжесть. Дайте же рукопись... Гм! еще два листа нужно, чтоб был полный ливрезон, а я желал бы, чтоб все было готово нынче же.

– Желал бы и я, сказал Штайгер с смущенною улыбкою, вертя шляпу в руках: – потому что теперь половина месяца, жалованье Клары мы прожили, особенно с похоронами, и я был бы очень-рад, если б готов был пятый выпуск, чтоб получить...

– Да, и я был бы рад, если б вы приготовили пятый выпуск, и жаль, что вы не приготовили. Публика ждет, время идет, книга издается в других переводах – смотришь, и убыток. Да и за проданные экземпляры жди денег. Вы, писатели, люди счастливые: принес рукопись, сейчас же получил деньги – и кончено. А знаете ли, сколько времени нужно мне ждать выручки?

– Не знаю, терпеливо сказал переводчик.

– Приходится года по два, да, года по два, еще и побольше иной раз. Это ужасно!

– За-то получаете вы тогда большие суммы, возразил Штайгер: – а тут дело идет о нескольких гульденах, которые заработаю вам в два, три дня. Я прошу вперед...

– Не говорите о том, чтоб давать вперед... нынче не такие времена.

– Но вы платите мне так мало, боязливо сказал старик: – потому и можно бы сделать мне такое одолжение. Я попросил бы только четыре гульдена.

– Я плачу вам мало! вскричал разгневанный книгопродавец: – пощадите, милостивый государь! за лист вы получаете гульден и тридцать крейцеров – это по-вашему мало! Кто нам вчера писал, что готов переводить по гульдону и двенадцати крейцеров лист? Ведь еще человек с именем в литературе?... Кажется, г. Гинтермайер. Не показать ли вам письмо? Бейль, посмотрите под литерою Г. последнее письмо доктора Гинтермайера.

– Нечего искать: оно, вероятно, из числа тех, которые вы, как говорите, оставляете у себя дома, насмешливо отвечал конторщик.

– Может-быть, может-быть, поспешно отвечал книгопродавец, чтоб не услышать чего-нибудь еще более-неприятного: – верно, я забыл его дома. Да все-равно, уверяю вас, гульден и двенадцать крейцеров за лист...

– Это невозможно! отвечал Штайгер, покачав головою.

– Во всяком случае, я не могу никак давать вперед денег за издание, которое приносит мне так мало выгоды.

Конторщик нахмурил брови и важным тоном сказал: – послушайте, господин Штайгер, вы просите вперед денег действительно вовсе нерезонно. Вы хотите на них купить хлеба, чтоб ваши дети не голодали, быть-может, даже несколько полен дров, чтоб они и не мерзли. Но г. Блаффер не должен давать вам этой ничтожной суммы, потому что вы переводите роман, в котором описываются страдания американских негров – описывается голод, нищета и мучения всякого рода. Вам трудно будет выдержать истинный тон в переводе, сохранить, так-сказать, букет подлинника, если вы не прочувствуете сами всего, что описывается в этом романе, потому и нельзя вам брать денег. Поголодайте, похолодайте, прислушайтесь к плачу детей – и перевод ваш много выиграет в букете колорита и верности тона, как я уж сказал.

С этими словами он захлопнул свою книгу, встал с табурета, так-что он полетел в другой угол, и вышел из конторы, мимоходом яростно покрутив перед зеркалом свои большие черные усы.

Книгопродавец был ошеломлен и взбешен. Но началу речи ему было показалось, будто Бейль хочет в-самом-деле урезонить переводчика, и он даже одобрительно закивал головою; но конец совершенно озадачил его, и руки его судорожно сжимались в кулаки. Он готов был растерзать конторщика; но мужественно удержался и только с глубоким вздохом пожал плечами. Робкий Штайгер все время, потупив глаза, не знал, что ему делать, хотя в душе твердил: «О, какая правда! правда, правда!» и пылся к двери, которая вдруг отворилась так быстро, что бедный старик едва успел посторониться.

В контору вошел молодой человек, уже знакомый читателю под именем Артура. Не успел он снять шляпы, как Блаффер бросился к нему на встречу с лживостью и любезностью кота, выманивающего подачку. «Ах, это вы, господин Эриксен! Как вы пунктуальны! Вы меня чрезвычайно одолжили. Сделайте милость, вот стул...»

Артур осмотрелся, и заметив незнакомого человека, взглянул на хозяина, который увидел необходимость познакомить их друг с другом. – Это господин Штайгер, один из моих переводчиков; г. Штайгер, рекомендую вам г. Артура Эриксена, одного из даровитейших наших художников. Германская живопись многого надеется от его таланта.

Эриксен несколько покраснел и бросил недовольный взгляд на книгопродавца, чтоб показать, будто-бы его привели в краску незаслуженные похвалы и скрыть настоящую причину; он давно знал в лицо отца Клары и рассчитывал познакомиться с ним у Блаффера.

– Мне очень-приятно будет с вами познакомиться, сказал он, протягивая руку старику: – вы, кажется, собирались уйти, прибавил он, потому что Штайгер действительно пробирался уже к двери: – но будьте так добры, останьтесь с нами: ваши советы будут нужны при нашем разговоре с г. Блаффером.

Старик был удивлен любезностью человека, который, судя по платью и манерам, принадлежал к высшему обществу. Книгопродавец пожал плечами и предложил Эриксену стул.

Живописец, видя, что в комнате только два стула и Штайгер продолжает стоять у дверей, резко сказал мальчику: «Поддай господину стул, или ты не понимаешь?»

Книгопродавец покорчился, но в ту же минуту стул был принесен из соседней комнаты. Конторщик воротился, услышав голос Эриксона, и в первый раз в течение дня улыбнулся, кланяясь ему.

– Г. Эриксен пригласил вас, Штайгер, остаться при нашем разговоре; послушайте же, в чем дело, сказал Блаффер, когда все сели: – г. Эриксен так добр, что соглашается украсить своими превосходными рисунками ваш перевод. Как вы думаете: делать нам по рисунку к каждому ливрезону, или давать по одному рисунку к двум выпускам? Что вы скажете, Штайгер?

– Если сделать по рисунку на каждый ливрезон, это будет стоить довольно-дорого, робко заметил старик.

– За издержками г. Блаффер не остановится, лишь бы вышло хорошо, сказал Артур: – притом же, я даю ему рисунки почти задаром. Он меня просил, а мне самому хотелось испытать себя в этом роде.

– Для вас это дешево, а для меня большие деньги при нынешних обстоятельствах, сказал Блаффер: – но точно, за деньгами я не стою. Итак при каждом ливрезоне будет по рисунку?

Артур кивнул головою.

– Стало-быть, дело наше кончено. Готовьте же скорее перевод, г. Штайгер и до свидания.

– Что вы? сказал Артур: – напротив, мне еще нужно посоветоваться с г. Штайгером о сюжетах для рисунков. Ведь мы, конечно, возьмем не те сцены, которые иллюстрированы в английском издании. Вы позволите мне просить вашего совета в этом деле, г. Штайгер?

– Конечно, он зайдет к вам, сказал книгопродавец.

– Когда же я могу застать вас дома, г. Эриксен? прибавил старик.

– Как это можно, чтоб я согласился отнимать у вас на такие путешествия драгоценное для вас время! с жаром возразил Артур. – Мы, художники, любим бродить по городу, и если вы... скажете ваш адрес и время, когда я могу удобнее быть у вас... я с величайшим удовольствием буду у вас.

– Для меня это будет большою честью; но я живу далеко, в Столярной Улице, в доме под номером 40-м, в пятом этаже. Дома вы застанете меня, когда вам угодно, потому что я почти никуда не выхожу, разве только часу в первом после обеда.

Между-тем Бейль подошел к столу, у которого сидел живописец, успевший во время разговора набросать несколько эскизов, и, будто нагнувшись, чтоб рассмотреть их, конторщик шепнул Артуру: – Спросите, будто невзначай, сколько ему дают за перевод.

– Кстати, сказал с рассеянным видом живописец: – много вы переводите? ведь это, я думаю, выгодное занятие? Сколько вы, например, получаете за печатный лист?

Блаффер нахмурился, конторщик сделал веселую гримасу, а мальчик разинул рот от удивления и восторга при этом вопросе.

– Плата за лист бывает различна, смотря по формату и трудности книги и достоинству перевода, поспешил перебить книгопродавец: – по вообще, работая прилежно, можно в месяц получить довольно.

– Итак, здесь важнее всего время, продолжал живописец, с поразительной верностью очертив несколькими штрихами портрет Блаффера: – вы, конечно, работаете как нельзя прилежнее, г. Штайгер; во сколько же времени переводите вы печатный лист?

– Я... как вам сказать... с нерешительностью проговорил старик, заметив досаду Блаффера, гневно передвигавшего по столу линейку.

– Неужели вас это так интересует? перебил опять книгопродавец. – Пойдемте в мой кабинет и условимся там о наших рисунках; а я, пожалуй, расскажу вам и о том, как и за какую плату переводят.

– Да позвольте же говорить г. Штайгеру! холодно отвечал живописец: – ведь когда вы приходите в контору батюшки справляться о биржевых курсах, никто не старается отклонить ваши вопросы. Я вас прошу, г. Штайгер: скажите мне, как вы работаете и во сколько времени переводите печатный лист?

– Я встаю в четыре часа и работаю до семи, когда просыпаются дети и начинают просить завтрака, но они меня не отрывают от дела до девяти часов, когда Клара, моя старшая дочь, уходит из дома. Тогда я должен, вместо неё, смотреть за детьми, которые беспрестанно мешают работе. Но к двенадцати часам Клара возвращается, мы обедаем и я до часу отдыхаю. Потом опять работаю часов до девяти или десяти, иногда и до одиннадцати.

– Сколько же вы переведете, работая без отдыха целый день?

– Иногда удается перевести целый печатный лист, а это не безделица, г. Эриксен: – посмотрите, какой мелкий шрифт, и таких страниц в печатном листе считается шестнадцать.

– Да, не безделица! сказал с горькою усмешкою Артур. – Сколько же вы получаете за перевод такого огромного печатного листа? Вероятно, порядочную сумму?

Блафферу было очень-неловко и досадно; он сердито оправлялся, крутил волоса, чесал переносицу и, наконец, не выдержав, опять попробовал замять разговор:

– Да, что делать, каждый из нас должен трудиться! Иначе невозможно жить в цивилизованном обществе. И когда подумаешь, сколько есть на свете миллионов людей, участь которых тяжелее нашей, примиряешься с судьбою. В этом отношении книга, которую переводит г. Штайгер, превосходное утешение. Подумайте только, сколько страдать приходится бедным неграм!

– Вы опять уклоняетесь от настоящей тэмы разговора, перервал Артур: – я хочу узнать от г. Штайгера, сколько получает он за печатный лист?

– Гульден и тридцать крейцеров, сказал старик.

– Гульден и тридцать крейцеров за четырнадцать часов утомительного, убийственного труда! Нет, я не верю! Это ужасно!

– Что ж делать, г. Эриксен, кротко отвечал старик: – я разделяю участь всех поденщиков, и в-сущности еще имею ту выгоду, что никакая погода не мешает мне работать.

Блаффер принужденно улыбался.

– Меня радует ваша улыбка, г. Блаффер, сказал живописец: – кто не имеет достаточного запаса невозмутимой веселости, тому грустно жить на свете. Теперь, если угодно, мы можем переговорить в вашем кабинете о цене рисунков. Вас, г. Штайгер, я прошу подождать меня несколько минут, если можно. Нам идти по одной дороге.

Через две или три минуты книгопродавец возвратился в контору с довольным лицом и, вынув из кассы четыре талера, вручил их старику, любезно прибавив: – с удовольствием исполняю вашу просьбу, г. Штайгер; но у меня уж такое правило, чтоб все делать только по здоровом размышлении. Я очень признателен вам за труды, потому что ваш перевод нравится публике. Число подписчиков дошло до двух тысяч, и я считаю обязанностью увеличить вам плату до трех гульденов. А когда подписчиков будет больше – чего можно ждать месяца через два-три... то-есть недели через две, хотел я сказать, прибавил он, заметив, что живописец холодно и серьёзно посмотрел на него: – то-есть недели через две, а Бог даст, быть-может, и на следующей неделе, можно будет и еще несколько увеличить ваш гонорарий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.